

Сенор Д., Сингер С. Нация умных людей. История израильского экономического чуда. Пер. с англ. Д. Стороженко. М.: Карьера пресс, 2011. – 336 с.

«История израильского экономического чуда» – книгу с таким подзаголовком я не мог не купить после того, как в московском супермаркете увидел картофель из Израиля. «Сухой ветер, пустыня, Мертвое море, кажется, там мало воды и кругом враги... такая маленькая страна и экспортирует *картошку* в такую большую Россию – как такое возможно?» – задался я почти недетским вопросом. Но более того: вторая страна в мире по количеству вновь образуемых компаний, рост сельскохозяйственного производства в 17 раз за 25 лет, наибольшее представительство в списке американского рынка высокотехнологичных компаний NASDAQ... К Израилю можно относиться по-разному, но в момент, когда из отстающих нужно выйти в лидеры, к его опыту невозможно не обратиться. И главное, представляется, в этой истории то, что инновационное развитие – это не разовый проект, а система отношений в обществе. Характер и устройство общества создают условия для реализации творческой энергии всех граждан, и в особенности – военных.

Именно анализ роли армии и военнослужащих в развитии экономики Израиля является одной из наиболее сильных частей книги, подготовленной сотрудником американского Совета по международным отношениям Дэном Сенором и журналистом газеты *Jerusalem Post* Солом Сингером.

Армия – не бремя, а главный двигатель модернизации, но не в том смысле, что ВПК становится основой экономики, хотя, действительно является ее существенной частью, а в том, что способствует развитию предпринимательства, особенно в высокотехнологичных отраслях. Каким образом? Отмечу лишь несколько факторов, о которых говорят авторы.

Первый – большая, по сравнению с другими армиями, свобода младших офицеров в принятии решений. В этом факте отражается свойственная, по мнению авторов, всему израильскому обществу антииерархичность, но кроме того, делегирование ответственности происходит сверху вниз часто по необходимости – лейтенанту на поле боя приходится действовать самостоятельно и эффективно, то есть достигать результата при минимальных потерях. «Если террорист проникнет на территорию, то ответственность за это несет командир роты. Скажите, кто еще в мире в 23 года может жить под таким грузом ответственности?» – цитируют авторы одного из командиров. А через такую школу проходит большая часть населения страны. Помимо прочего, это означает, что в армии меньше старших офицеров, а значит, больше инициативы и ответственности внизу.

Ч З
Ы К
И И
Ж Н
В В
И О
К И

Второй – система резервистов, которая, по мнению авторов, «не только пример инновативности целой страны... это также ее катализатор», именно в силу того, что еще более укрепляет «хаотичный и антииерархический характер, который можно обнаружить в каждом аспекте израильского общества», настроенного более на результат, «нежели на звание». Оспаривать решение командира – на грани преступления в большинстве армий, вести открытые обсуждения после боя и требовать смены начальника – также вряд ли допустимо где бы то ни было. Но в Армии обороны Израиля это возможно, и считается, что так укрепляются доверие и уверенность солдата в том, что и как он делает, а значит, еще выше его настрой на результат. Более того, такое положение солдата лишь подчеркивает, что армия является народной не по закону, а по духу, и солдат здесь борется «за существование своей страны», а не за выживание в казарме.

Третий – военное образование. Авторы утверждают, что «трудно попасть в элитные израильские университеты, но национальным эквивалентом Гарварда, Принстона и Йеля являются элитные части» израильской армии, а название подразделения, в котором служил соискатель, говорит работодателям в Израиле не меньше, чем название университета в других странах. Подразделение 8 200, программа *Тальпиот*, другие элитные части – здесь появляются многие организаторы *стартапов*.

Четвертый – отношение к ветеранам. «Опыт военных действий формирует предпринимательскую жилку» – это то, что является одной из основ организации высоких технологий в Израиле. «Что касается службы в вооруженных силах США, – цитируют авторы слова израильского предпринимателя Джонатана Медведа, – Силиконовая долина просто безграмотна в данном вопросе... Какая бесполезная трата талантов лидеров, которые возвращаются из Ирака и Афганистана. Американский деловой мир попросту недостаточно хорошо понимает, что с ними делать». Поставим вместо «Силиконовой долины» слово «Россия», заменим Ирак на Чечню, оставим Афганистан, произнесем все в прошедшем времени... и вспомним о том, сколько сильных людей ушли в мир криминала, а в иных условиях могли бы стать предпринимателями, пусть и не в сфере высоких технологий. «Слишком мало молодых американцев [*читаю – россия*н] чувствуют связь со своими сверстниками в армии», – и это главная причина, почему не используются их качества. А между тем именно ветераны имеют то, что очень сложно приобрести в мирной жизни. Они умеют отличить главное от второстепенного, знают цену риску и успеху, могут мотивировать и достигать консенсуса в сложных условиях. Конечно, те, кто прошли через боевые действия, не *вписываются* в рамки привычной жизни, есть и проблемы в коммуникации – но разве эти вопросы невозможно решить? Реабилитация и хорошая переподготовка – это отнюдь не большая цена для того, чтобы превратить сильных людей не в обузу общества, а в его лидеров.

Дэн Сенор и Сол Сингер справедливо отмечают, что в основе экономического чуда лежат многие уникальные национальные черты Израиля и его народа, далеко не все из опыта Израиля можно применить в других регионах. В качестве примеров рассматриваются отношения армии и общества в двух странах с высокой долей высокотехнологичных компаний в экономике – Сингапуре и Южной Корее.

Сама книга не представляет собой фундаментального исследования, здесь нет большой теоретической базы, но приводится объемный список источников, в том числе интервью. Книга не претендует на то, чтобы стать примером, по которому могут быть изучены другие инновационные экономики, но хорошо выделяет и освещает те факторы, которые позволили состояться Израилю.

Авторы отмечают, что этой стране не хватает четырех генералов – «генерала Территория», «генерала Человеческие ресурсы», «генерала Время» и «генерала Бюджет». Кроме первого, у России тоже вопросы с оставшимися тремя *военачальниками*. Но если учиться и быть смелее, что возможно в обществе, где творчество и предпринимательство поощряются, то эти проблемы превращаются в факторы лидерства, а опыт для обучения есть. 🐼

Альберт Зулхарнеев

Печуров С.Л. Военные профессионалы в англо-саксонской модели управления вооруженными силами: история и современность. – М: ЛЕНАНД, 2010. – 176 с.

Вопрос о том, в какой степени при проведении нынешней реформы Вооруженных сил России используется зарубежный опыт военного строительства, до сих пор не прояснен. Зачастую специалисты отказываются говорить о конкретных странах, стремясь избежать обвинений в отсутствии патриотизма и даже *предательстве*. А между тем ответ на этот вопрос позволил бы обществу лучше понять цели и задачи проводимой реформы и, следовательно, более осознанно оценивать ход ее реализации.

Такому пониманию наверняка будет способствовать работа С.Л. Печурова «Военные профессионалы в англо-саксонской модели управления вооруженными силами: история и современность». Сергей Леонидович – генерал-майор, действующий заместитель командира одной из воинских частей российской армии, действительный член Академии военных наук и член научного совета при Совете безопасности России – является типичным представителем той категории военных профессионалов, которых принято называть *интеллектуалами* (в противовес *практикам*). После прочтения этой его книги почти не остается сомнений в том, опыт каких государств пытаются использовать сегодня при реформировании структуры управления Вооруженными силами России.

Название работы не вполне точно отражает ее реальное содержание. Ведь, во-первых, речь в книге идет не столько об особенностях англо-саксонского офицерства, сколько о *системе отношений*, которая сложилась между гражданским обществом и военными профессионалами. А во-вторых, большая часть работы посвящена анализу именно американской модели управления вооруженными силами, на фоне которой британская модель выглядит достаточно тускло.

Книга разделена на шесть глав и позволяет читателю получить представление о многих аспектах функционирования американской военной машины.

В первой главе автор рассматривает место и роль военных профессионалов в американском обществе, характеризует личные и профессиональные качества наиболее известных представителей американского офицерства. Вторая глава подробно описывает структуру и механизмы функционирования оборонного ведомства США. В третьей проведен анализ современного состояния гражданско-военных отношений в США. В четвертой рассматривается законодательная база реформ, регулярно проводящихся в американских вооруженных силах. Пятая глава описывает проблемы межведомственного взаимодействия внутри руководства американскими вооруженными силами. Наконец, в шестой части книги автор рассказывает, что делается в США для повышения эффективности работы командиров среднего и низшего звена.

Основная мысль автора заключается в необходимости установления гражданского контроля над деятельностью военных. Причем контроля именно в той форме, которая существует в американской модели. В ней, по словам С.Л. Печурова, «доминирует наличие ярко выраженной системы гражданского управления вооруженными силами как в мирное, так и в военное время». В США руководитель Министерства обороны и видовые министры традиционно являются гражданскими лицами. Автор приводит показательную статистику – общая численность аппарата министра обороны США на начало 2007 г. составляла 2016 человек, из которых только 437 являлись военнослужащими, а все остальные – гражданскими чиновниками. При этом именно гражданские чиновники военных ведомств порой обладают гораздо большим влиянием, чем их коллеги в погонах.

С.Л. Печуров впервые в отечественной литературе систематизирует работы классиков американской военной науки, анализирует их вклад в общемировую теорию военного дела. Приводится множество исторических примеров, так или иначе характеризующих отношения между американскими военными и гражданским обществом на разных этапах. Интересно, что автор часто ссылается на работы немецкого классика военного дела К. Клаузевица, при этом утверждая, что американцы, в свою очередь, многому научились у прусских военных.

Е
Ы
И
Ж
С
И
К

Достоинством данной книги является возможность использования результатов проведенного анализа на практике. По словам С.Л. Печурова, «накопленный в США опыт может и должен быть востребован в рамках оптимизации отечественной модели военного устройства».

Автор фактически призывает к передаче большего контроля над военными в России в руки гражданских руководителей: «Нельзя игнорировать такую составляющую американского опыта, полезную для возможного внедрения в отечественную практику, как отработка значительного объема проблем в области гражданско-военных отношений». Кроме того, «должен быть востребован для отечественного военного строительства и опыт англосаксов в вопросах формирования законодательной базы применительно к реформированию управленческих структур вооруженных сил в целом и нюансов взаимодействия различных ведомств в ходе реализации военно-политического курса в частности».

Александр Колбин

А. Больных. XX век флота. Трагедия фатальных ошибок. М.: Эксмо, 2010. 352 с.

«Всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Петр I

История возникновения и развития морского флота уходит в глубину веков. Уже в древности была признана важность водных путей, и они активно использовались. Первым появился парусно-гребной флот в Китае и Древнем Египте. С тех пор минули четыре научно-технических революции, флот сильно изменился, но он продолжает играть важную роль в обеспечении национальной безопасности государств, защите их интересов. Однако существует ряд проблем, которые необходимо решать.

Беря в руки книгу Александра Больных «XX век флота. Трагедия фатальных ошибок», ожидаешь найти в ней детальный анализ проблем флота и, возможно, рекомендации по его реформированию. Аннотация обещает, что книга содержит и то, и другое. Однако автор посвящает большую часть работы описанию театров военных действий, подробно останавливается на технических особенностях судов, участвующих в сражениях, и уделяет мало внимания непосредственно анализу приведенных фактов.

Название выбрано неслучайно: в книге очень хорошо отображена хронология неудач морского флота на протяжении всего XX в., показаны причины и последствия изменений, которые были внесены в конструкцию судов и тактику боя, влияние практики на теорию войны на море. При этом особое внимание уделяется этапам технической модернизации флота, а не его организации.

Основной проблемой Больных считает несоответствие тактических умений и навыков командования техническому оснащению и комплектации флота, неготовность командного состава стратегически верно и наиболее полно использовать его боевые возможности. Среди причин повторяющихся неудач автор также отмечает низкий уровень подготовки моряков. Фрустрация автора очевидна – на лицо разочарование действиями командования и отдельных экипажей. Больных неоднократно выражает недовольство тем фактом, что из неудач и поражений не было извлечено уроков. Для него *трагедия* заключается даже не в количестве ошибок, а в том, что часто это одни и те же ошибки, совершенные несколько раз.

Автор выделяет флот как нечто самостоятельное, часто вырывает события из контекста и рассматривает отдельные сражения безотносительно общей ситуации. Он не уделяет внимания особенностям внешней и внутренней политики государств, что не позволяет определить истинные причины неудач, плохой выучки офицеров, неспособности командования адекватно оценить ситуацию и эффективно использовать боевые мощности.

На первый взгляд, события, описанные в книге, рассматриваются автором с точки зрения рационализма. Больных оценивает принятые командованием решения и поступки отдельных экипажей, делая выводы о том, насколько оправданы были те или иные действия. Однако автор выходит за рамки теории рационализма, анализируя влияние на общий ход событий поступков отдельных личностей. Для книги характерно часто поверхностное описание событий и при этом обилие деталей, не имеющих ключевого значения; это делает ее сложной для осмысления. Кроме того, автор часто отвлекается от основной нити повествования, что делает его размытым. Восприятие значительно упростили бы карты и схемы, наглядно демонстрирующие ход событий и расстановку сил, однако их нет.

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

Книга написана в вольном стиле, автор часто прибегает к образным оборотам речи. Так, например, описывая особенности развития японского флота в 1930-х гг., он отмечает, что «[...] японские конструкторы не только сложили все яйца в одну корзину, но и попытались еще сверху их притоптать, чтобы больше вошло». Острые высказывания и обилие жаргона, с одной стороны, придают повествованию особую эмоциональную окраску, делают его живым и интересным, а с другой – отвлекают от основной идеи, которую стремится передать автор.

Несмотря на это, книгу, несомненно, имеет смысл прочесть. Больных не дает никаких рекомендаций по реформированию флота, ограничиваясь выражением надежды на дальнейшее развитие и модернизацию. Однако читатель, пройдя вместе с автором весь путь от момента появления в конце XIX в. нового типа вооружений до Фолклендской и Ирано-иракской войн, будет способен сделать ряд выводов.

Во-первых, модернизация вооружений и технического оснащения флота требует внесения изменений в образовательную программу подготовки офицерского состава и повышения квалификации командования.

Во-вторых, изменение комплектации флота требует пересмотра тактики ведения боя. Без внесения соответствующих корректив действия флота обречены быть неэффективными, и шансы положительного исхода сражения невелики.

В-третьих, необходимо обеспечить правильную систему организации флота. Младшие командующие должны иметь достаточную степень автономности своих действий, быть способными и иметь возможность ориентироваться по ситуации и принимать необходимые меры.

Таким образом, необходимо обеспечить соответствие возможностей флота тем задачам, которые он должен выполнять, а именно обеспечение вооруженной защиты интересов страны и ведение боевых действий на морских и океанских театрах войны.

Маргарита Клочкова

Гончаров В.Л. 1917. Разложение армии. – М.: Вече, 2010. 512 с.

Как одна из крупнейших в мире армий превращается в неуправляемую толпу? Какие механизмы делают процесс саморазрушения необратимым? Кто довел царскую армию до разложения: бездарные военачальники, демократические реформаторы, германские шпионы, большевики? На основе документов Ставки, Канцелярии военного министерства и Кабинета военного министра автор сборника восстанавливает события, произошедшие в русской армии между февралем и октябрём 1917 г.

Хроника событий свидетельствует, что причины развала армии были не внешними, а внутренними. Вопреки бытующему представлению, большевики сыграли в распаде армии вовсе не главную роль. Фактически до февраля 1917 г. они большей частью были за гра-

Е
Ы
И
Ж
З
И
О
К

ницей. Но даже возвратившись в революционную Россию, они скорее не вели за собой армию, а лишь следовали за ее настроениями, поднимая лозунги, уже родившиеся в солдатской массе. Первое упоминание о деятельности большевиков проскальзывает в отчете об апрельской 1917 г. поездке на фронт членов Государственной думы. Тогда большевики еще не выступали за прекращение войны, они лишь требовали «гарантий, что война идет не за капиталистические цели союзников».

Самая важная причина разложения армии – глубочайшая пропасть между солдатским и офицерским составом. Известно, что армия, как срез общества, всегда отражает имеющиеся социальные различия: в основном дворянское русское офицерство и крестьянская по происхождению армия всегда таили повод для конфликта. Как ни странно, серьезнее классового оказалось расхождение во взглядах на цели, преследовавшиеся в ходе Первой мировой войны. Русские солдаты не хотели воевать на чужой территории за идеалы, которые были им непонятны. Абстрактные понятия – союзнический долг, крест над Святой Софией в Константинополе – могли привести в возбуждение интеллигенцию, но не уставших от окопного сидения солдат, от которых требовали идти в наступление. Вопреки распространенным представлениям, в марте-апреле 1917 г. солдаты вовсе не требовали прекращения войны. Они были согласны проливать кровь и наступать на своей территории. Но им не было понятно, зачем подниматься в атаку в Румынии. Простая житейская логика говорила: воюем за чужие интересы.

К третьему году войны началось размытие офицерского корпуса. Старый кадровый командный состав постепенно замещали младшие командиры. Эти командиры уже разделяли взгляды солдатских масс и порой были готовы возглавить солдатские бунты, чтобы сохранить личное лидерство, а в условиях начавшегося разброда – и продвинуться в складывающейся новой иерархии.

Между тем в двух российских столицах военная верхушка почувствовала свою политическую силу. Фактически именно она совершила переворот, заставила царя отказаться от трона.

Непопулярность царя не распространилась однородно, и многие офицеры сохранили монархические взгляды после отречения Николая II. Низвержение царского режима раскололо армию и усугубило взаимное недоверие солдат и офицеров. Солдатские массы приветствовали свержение царя и были озлоблены на командиров, которые отказывались убирать из служебных помещений портреты свергнутого самодержца.

Такой армия была к февралю 1917 г., когда к власти пришли политические силы, ориентированные в первую очередь на союзников.

Крушение военной дисциплины в армии началось не снизу, а сверху, и изначальной причиной его были не большевики, а именно высшие военные командиры.

Сборник развенчивает бытующее мнение, что причиной падения дисциплины в армии стало отсутствие репрессий против нарушителей: расстрелы без суда для бунтарей, расформирование для вышедших из подчинения частей, заградотряды для отступающих или сдающихся в плен – все эти меры русская армия использовала еще в Первую мировую. Артиллерию использовали для разгона огнем братающихся на нейтральной полосе частей, а казаков – для карательных действий против взбунтовавшихся солдат. Результатом стала ненависть между видами вооруженных сил: пехота обозлилась на артиллеристов до такой степени, что понадобилось издавать приказ, запрещавший привлекать артиллерийские и казачьи части для принуждения к порядку соседних пехотных частей.

В 1917 г. демократическая Россия применяла такие методы, как арест целых рот и угрозу массовых расстрелов собственных солдат. В какой-то момент неповиновение стало слишком массовым, а военному руководству стало невозможно применять суровые меры. Коллективные наказания стали выглядеть слишком мягкими. Для применения жестких мер уже не хватало готовых к исполнению воинских частей.

Введение института комиссаров и войсковых комитетов подрывало принцип единоначалия, ослабла дисциплинарная власть начальников, широкая политическая пропаганда

в войсках размывала цели войны и ослабляла воинский дух, разлагала даже лучшие части. Офицерский корпус болезненно отреагировал на такие новшества, как отмена погон на флоте, отдавание солдатами чести вне службы.

Создалось положение *цугцванга* – ситуации, когда каждая сторона вынуждена совершать очередные неверные ходы. Первый шаг сделали правые – Корниловский мятеж, нацеленный в первую очередь на восстановление дисциплины в армии, на железной дороге и в промышленности, оказался провальным. Подавление мятежа лишило Временное правительство сколько-нибудь серьезной опоры в армии, тем самым расчистив дорогу большевикам.

Большевизация пугала, и выход на политическую сцену национальных элит поначалу показался военным хорошей альтернативой усилению большевиков. Для укрепления порядка в тылу были одобрены создание украинских частей и фактическая украинизация Румынского и Юго-Западного фронта. Увы, это привело к тому, что армия дала трещину еще по одному – национальному измерению. Было положено начало будущих националистических движений и межнациональных конфликтов.

В условиях проводимой в России реформы Вооруженных сил данный сборник документов показывает, что армия – это сложный механизм, обращение с которым требует продуманного и аккуратного подхода, особенно в условиях глубоких национальных потрясений.

Вадим Козюлин

Ракетное и космическое оружие. Электронный справочник. М.: Военная Россия, 2006.

Интерес к ракетному оружию существовал с самого момента его появления. С одной стороны, достижения в этой области вооружений всегда были поводом для гордости отечественных конструкторских бюро. Результаты кропотливой работы можно было увидеть на парадах и прочитать об их превосходстве над зарубежными аналогами на страницах популярных журналов. С другой стороны, информация о тактико-технических характеристиках, например, стратегических ракетных комплексов, если и не составляла с какого-то времени государственной тайны, все же была труднодоступна.

С началом активного распространения доступа к интернету получить данные о ракетном оружии стало значительно проще. Достаточно воспользоваться популярными поисковыми системами или базами данных на основе wiki-платформы. Помимо тактико-технических характеристик, можно посмотреть съемки запусков ракет или прочитать воспоминания их разработчиков. Однако зачастую подобные подборки материалов грешат неполным охватом вопроса, концентрируясь только на противокорабельных ракетах или, скажем, на зенитных ракетных комплексах. Собрать же материал по всему ракетному оружию России представлялось задачей весьма трудоемкой.

Решение этого вопроса предложила компания *MediaХауз*, которая выпустила электронный справочник «Ракетное и космическое оружие» из серии «Военная Россия». Разработкой справочника занимался Русский военно-исторический фонд. Найти справочник в продаже не составляет большого труда, поэтому можно предположить, что часть читателей уже знакома с его содержанием.

Справочник «Ракетное оружие» концентрируется только на отечественных разработках – созданных в СССР и в России. Информация поделена на семь следующих категорий: зенитные ракетные комплексы, противотанковые ракетные комплексы, противокорабельные ракетные комплексы, противорадиолокационные ракетные комплексы (ПРК), ракетные комплексы общего назначения, ракеты «воздух-воздух» и стратегические ракетные комплексы.

Каждая категория содержит в себе довольно подробное описание типов данного вооружения. В частности, все они снабжены фотографиями, краткой историей создания, описанием уникальных свойств и подробными тактико-техническими характеристиками.

Е
Б
Г
Ж
З
И
К

Достаточно скупо освещены ПРК и ракеты класса «воздух-воздух» (складывается впечатление, что либо их вообще не производили в России, либо авторы почему-то решили обойти эти разделы стороной), однако это компенсируется информацией о других категориях.

К недостаткам данного издания можно отнести отсутствие ссылок на материалы, которыми пользовались авторы при подготовке справочника. Следовательно, либо вы принимаете на веру все написанное, либо начинаете самостоятельный поиск для проверки сведений. В определенной мере это сводит на нет возможность использования справочника как *последней инстанции*, за которой не нужно ничего проверять. Кроме того, справочник существенно устарел и не включает в себя часть новых на момент публикации сведений – к примеру, большинство данных относятся к 2000–2001 г.

При всех недостатках, однако, стоит отметить, что авторы провели достойную работу. Если вы не являетесь специалистом в данной области, вас, безусловно, заинтересует возможность проследить историю становления ракетного оружия в СССР и затем в России.

Иван Трушкин